

На правах рукописи

Нагорная Оксана Сергеевна

**РОССИЙСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
В ГЕРМАНИИ (1914-1922 ГГ.)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Челябинск – 2011

Работа выполнена на кафедре государственно-правовых дисциплин ГОУ
ВПО «Южно-Уральский государственный университет»

Научный консультант – доктор исторических наук,
профессор
Нарский Игорь Владимирович.

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
профессор
Ватлин Александр Юрьевич,

доктор исторических наук,
доцент
Волков Евгений Владимирович,

доктор исторических наук,
доцент
Сичинский Евгений Павлович.

Ведущая организация: УРАН Институт Российской истории
Российской академии наук

Защита состоится «17» июня 2011 г., в 15-00 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.298.13 при Южно-Уральском государственном университете (454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76, ауд. 244).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Южно-Уральского государственного университета.

Автореферат разослан «17» мая 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук,
доцент

М.И. Мирошниченко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования обусловлена, прежде всего, многомерностью темы плена для исторического изучения. В годы Первой мировой войны военный плен превратился в массовый феномен, кроме того, вражеские солдаты в плену и собственные подданные в лагерях противника впервые приобрели для государств-участников столь весомое военное, экономическое и дипломатическое значение. Обращение к проблематике военного плена позволяет углубить представления о процессах тотализации военных действий, развитии системы международного права, а также об особенностях приспособления воюющих обществ к первой индустриальной войне. На необходимость изучения данной проблематики указывают также сохраняющиеся на сегодняшний день исследовательские лакуны. Несмотря на то, что в последние годы история военного плена на Восточном фронте Первой мировой войны привлекает к себе пристальное внимание исследователей, слабо изученной остается специфика российского институционального опыта: дискурс военного плена, миграционная и социальная политика сменявших друг друга политических режимов, степень общественной активности и государственного контроля. Пока еще скромные позиции в современной историографии занимает намеченная военной антропологией перспектива «маленького человека» – в большинстве исследований пленные представляются лишь статистической единицей, объектом или безропотной жертвой государственных мероприятий. Комплексное осмысление плена сквозь призму макро- и микроистории позволит внести существенный вклад в актуальные научные дискуссии.

Научная значимость работы заключается в попытке представить российских военнопленных Первой мировой войны в немецких лагерях в качестве действующих исторических субъектов, для которых многолетнее пребывание за колючей проволокой стало своеобразным процессом обучения. В течение всего времени заключения представители принудительно созданной группы не просто пассивно принимали, но активно перерабатывали действительность через конструирование иерархических структур, поведенческих норм и образцов толкования. Изучение этих процессов приблизит к ответу на вопрос, в какой степени война

становится для человека «фактором эмансипации, обособляющим его от государственной машины и расширяющим пространство личного действия»¹. Кроме того, исследование актуализации индивидуальных и групповых переживаний после возвращения на родину и стратегий обращения с ними властных институтов в Советской России сделает возможным выявление степени усвоения и использования большевистским правительством опыта официально «забытой» войны². Изучение субъективного и институционального опыта позволит пересмотреть устойчивые представления о военном плене Первой мировой войны в целом, а также выявить его принципиальные отличия от других военных конфликтов.

Объектом исследования являются солдаты и офицеры русской армии, оказавшиеся в годы Первой мировой войны в немецких лагерях военнопленных.

Предмет исследования – индивидуальный, групповой и институциональный опыт плена, его восприятие, переработка и инструментализация в военный и межвоенный период.

Хронологические рамки охватывают период с 1914 по 1922 гг. Уже в первые месяцы после начала Первой мировой войны государства-участники столкнулись с феноменом массового плена, при этом самую многочисленную группу сразу же составили солдаты и офицеры русской армии в немецких лагерях. Заключение Брест-Литовского мирного договора, как и окончание войны, не привели к разрешению проблемы военнопленных бывшего Восточного фронта. Только подписанием Рапалльских соглашений 1922 г. Германия и Советская Россия поставили официальную точку в мероприятиях репатриации, отказавшись от взаимных претензий по вопросам военнопленных. Интерес исследования к реабилитации

¹ См. *Майофис М.* Антропология войны // Новое литературное обозрение. 2008. № 93. С. 177–179.

² См.: *Холквист П.* Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа в европейском контексте (1914–1921) // Россия и Первая мировая война / под ред. С.С.Смирнова. СПб., 1999. С. 83–100; *Никонова О.Ю.* Инструментализация военного опыта в СССР в межвоенный период // Человек и война. Война как явление культуры. / под ред. И.В. Нарского, О.Ю. Никоновой. М., 2000. С. 367–398; *Холквист П.* «Осведомление – это альфа и омега нашей работы». Надзор за настроениями населения в годы большевистского режима и его общеевропейский контекст // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Ч. 3. / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2001. С. 45–93; *Holquist P.* Making war, forging revolution: Russia's continuum of crisis, 1914 – 1921. Cambridge, 2002; *Beyrau D.* Der Erste Weltkrieg als Bewährungsprobe. Bolschewistische Lernprozesse aus dem «imperialistischen» Krieg // Journal of modern European history. 2003. № 1. S. 100–101; *Nikonova O.* „Der Kult des Heldenmutes ist noetig, um Siege zu erringen...“ Sowjetische Militaer und Erfahrungen des Ersten Weltkrieges // Kriegsniederlagen, Erfahrungen und Erinnerungen / hg. von H. Carl u.a. Berlin, 2004. S. 185–199; *Холквист П.* Россия в эпоху насилия // Опыт мировых войн в истории России. Сб. статей / под ред. И.В. Нарского и др. Челябинск, 2007. С. 461–487.

бывших пленных в условиях послевоенных обществ, индивидуальной и институциональной переработке нового опыта, а также к формированию структур групповой и коллективной памяти отразился в экскурсах в межвоенный период, вплоть до новой мировой войны.

Гибкость и подвижность **территориальных границ** исследования обусловлены мощными трансформационными процессами в Центральной и Восточной Европе в годы Первой мировой войны, следовавших за ней революций и Гражданской войны в России. При рассмотрении непосредственно военного периода в центре изучения находятся территории Российской и Германской империй, оккупированные области, а также нейтральные государства, принявшие у себя беглых и больных военнопленных – Дания и Швейцария. При освещении последовавшего за окончанием войны периода распада империй, возникновения новых государственных образований и болезненного становления нового международного порядка, затруднивших бывшим военнопленным возвращение на родину, исследование концентрируется на территории Веймарской республики, Советской России и, насколько позволяют источники, белых правительств.

Степень изученности темы определяется, с одной стороны, второстепенным положением проблемы плена в историографии Первой мировой войны, с другой – ее тесной вплетенностью в изучение военных аспектов Первой мировой войны, международных отношений, эволюции образов врага и друга, миграционной и социальной политики. Наличие подробных описаний историографического ландшафта³ позволяет автору сосредоточиться на характеристике актуального состояния исторической дискуссии и сохранившихся до сих пор исследовательских лакун.

В ходе войны стремление укрепить моральный дух собственного населения и повлиять на мнение нейтральных стран обусловило желание всех сторон скрыть истинную численность сдавшихся в плен собственных солдат, а также заболев-

³ См.: *Overmans R.* Ein Silberstreif am Forschungshorizont? Veröffentlichungen zur Geschichte der Kriegsgefangenschaft // In der Hand des Feindes: Kriegsgefangenschaft von der Antike bis zum Zweiten Weltkrieg / hg. von R. Overmanns. Koeln, 1999. S. 461–483; *Nachtigal R.* Kriegsgefangenschaft an der Ostfront 1914–1918. Literaturbericht zu einem neuen Forschungsfeld. Frankfurt am M., 2005; *Gatrell P.* Prisoners of War on the Eastern Front during World War I // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Volume 6. Number 3 (Summer 2005). P. 557–566.

ших и умерших военнопленных противника⁴. Гибель же центральных немецких архивов в пожаре 1945 г. превратила неполные данные немецкой военной статистики и межвоенной публицистики о количестве совершенных пленными самоубийств, преступлений, побегов в единственный ориентир для исследователя. Невершенство системы учета российских дореволюционных и советских органов и значительная разница в статистических данных породили оживленную дискуссию в отечественной историографии⁵. Согласно новейшим статистическим исследованиям обобщающего характера в немецких лагерях в ходе войны оказалось около 1,5 млн. солдат и офицеров русской армии⁶.

В период мирового конфликта содержание военнопленных стало одним из ключевых моментов международных отношений, деятельности благотворительных организаций, а также важным аргументом в дискуссии о виновниках развязывания войны. Устойчивый интерес исследователей к дипломатической истории Великой войны и межвоенного периода обусловил пристальное внимание к вопросам соблюдения международного права, использованию темы плена в целях военной пропаганды и, наконец, к усилиям благотворительных организаций в деле материальной и духовной поддержки пленных⁷.

Стремление большевиков использовать демографический потенциал находящихся в Центральных державах русских военнопленных привело к целенаправленному изучению документооборота предшествующих режимов в рамках Комиссии по исследованию опыта мировой войны⁸. В дальнейшем, исследователи в странах социалистического лагеря концентрировались на изучении большевист-

⁴ См.: *Nachtigal R.* Kriegsgefangenschaft an der Ostfront... S. 20.

⁵ См., например: *Каминский Л.С., Новосельский С.А.* Потери в прошлых войнах. М., 1947; *Урланис Б.И.* История военных потерь: Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах 17–20 вв. (историко–статистическое исследование). СПб., 1998; *Степанов А.И.* Цена войны: жертвы и потери // Мировые войны XX века. М., 2002. Кн.1. Первая мировая война. Исторический очерк. С. 624–644.

⁶ См.: *Nachtigal R.* Zur Anzahl der Kriegsgefangenen im Ersten Weltkrieg // *Militärgeschichtliche Zeitschrift*. 2008. № 67. S. 345–384.

⁷ См., например: *Willis E.F.* Herbert Hoover and the Russian prisoners of World War I. A Study in Diplomacy and Relief, 1918–1919. London, 1951; *Speed R.B.* Prisoners, Diplomats and the Great War: a Study in the Diplomacy of Captivity. N.Y., 1990; *Horne J., Kramer A.* Deutsche Kriegsgreuel 1914. Die umstrittene Wahrheit. Hamburg, 2004; *Hinz U.* Humanitaet im Krieg? Internationales Rotes Kreuz und Kriegsgefangenenhilfe im Ersten Weltkrieg // *Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs* / hg. von *J. Oltmer*. Paderborn, 2006. S. 216–236; *Черноперов В.Л.* Дипломатическая деятельность В.Л. Коппа в Германии 1918–1921 гг. Иваново, 2006; *Абдрашитов Э.Е.* Развитие социального и правового статуса военнопленного в ходе эволюции международного и российского законодательства (с древнейших времен до к. XX в.). Казань, 2007.

⁸ *Жданов Н.* Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 гг. М., 1920.

ской пропаганды среди военнопленных царской армии⁹ и истории военнопленных Центральных держав, выступивших после революции на стороне советской власти¹⁰. Одной из первых попыток взглянуть на тему плена Первой мировой войны сквозь призму культурно-исторического подхода стали статьи Е. Сергеева о влиянии опыта лагерей на менталитет российских солдат и офицеров¹¹ и Б. Колоницкого о немецкой политической пропаганде в лагерях¹².

На протяжении последнего десятилетия среди специалистов по военной истории живо обсуждается вопрос о тенденциях развития войн современного типа, о преемственности и разрывах в развитии процесса «тотализации военных действий» в XIX–XX вв.¹³. При этом пропагандистский слоган, родившийся в дебатах межвоенного времени, используется ныне как аналитический конструкт. По мнению большинства исследователей, Первая мировая война явилась важнейшей вехой в становлении модели «тотальной войны», так как именно в ходе этого конфликта традиционные способы ведения военных действий были окончательно вытеснены тотальными целями, тотальной мобилизацией и тотальным контролем. Замкнутый круг взаимных репрессий позволил А. Беккер определить военнопленных Первой мировой войны как «первых жертв процесса тотализации военных действий»¹⁴. Однако не все исследователи столь однозначны в своих оценках.

⁹ См., например: *Zelt J.* Die politische Arbeit unter den russischen Kriegsgefangenen und internierten Rotarmisten in Deutschland waehrend des Ersten Weltkrieges und in der Nachkriegszeit // *Zeitschrift fuer Militaergeschichte*. 1967. S. 568–584; *Мальков А.А.* Деятельность большевиков среди военнопленных русской армии (1915–1919). Казань, 1971; *Auerbach K.* Die russischen Kriegsgefangenen in Deutschland (von August 1914 bis zum Beginn der Grossen Sozialistischen Oktoberrevolution). Potsdam, 1973.

¹⁰ См., например: *Plaschka R.* Avantgarde des Widerstands. Modellfaelle militaerischer Auflehnung im 19. und 20. Jh. 2 Bde. Wien, 2000; *Nachtigal R.* Russland und seine oesterreichisch–ungarischen Kriegsgefangenen. Reimshalden, 2003; *Leidinger H., Moritz V.* Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr: die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik fuer die Geschichte des Kommunismus in Mittel– und Osteuropa 1917–1920. Wien, 2003.

¹¹ См.: *Сергеев Е.Ю.* Русские военнопленные в Германии и Австро–Венгрии в годы Первой мировой войны // *Новая и новейшая история*. 1996. № 4. С. 65–78; *Sergeev E.* Kriegsgefangenschaft aus russischer Sicht. Russische Kriegsgefangene in Deutschland und Habsburger Reich (1914–1918) // *Forum fuer osteuropaeische Ideen– und Zeitgeschichte*. 1997. S. 113–134; *Sergeev E.* Kriegsgefangenschaft und Mentalitaeten. Zur Haltungsaenderung russischer Offiziere und Mannschaftsangehoeriger in der oesterreichisch–ungarischen und deutschen Gefangenschaft // *zeitgeschichte*. 1998. S. 357–365.

¹² См., например: *Колоницкий Б.* Эмиграция, военнопленные и начальный этап германской политики "революционирования" России (август 1914 – начало 1915 г.) // *Русская эмиграция до 1917 года – лаборатория либеральной и революционной мысли* / под ред. *Б.В.Ананьича*. СПб., 1997. С. 197–216.

¹³ Об аналитическом конструкте «тотальной войны» см., например: *Ферстер С.:* Тотальная война. Концептуальные размышления к историческому анализу структур эпохи 1861–1945 // *Россия и война в XX столетии. Взгляд из удаляющейся перспективы*. М., 2005. С. 11–28.

¹⁴ См.: *Becker A.* Paradoxien in der Situation der Kriegsgefangenen. 1914–1918 // *Kriegsgefangene im Europa...* S. 24–31.

К примеру, Р. Нахтигаль и Г. Вурцер¹⁵, описывающие соответственно дипломатические отношения на Восточном фронте и содержание немецких офицеров в России, подчеркивают ограниченный характер перехода традиционных монархий к новым методам ведения войны. На примере наиболее показательных составляющих немецкого военного плена У. Хинц пришла к выводу, что Первая мировая была определенной цезурой в развитии концепта «тотальной войны», но не довела идеологическую тотализацию до практического воплощения¹⁶. Признавая дискуссионный характер аналитической концепции «тотальной войны», автор диссертационного исследования считает, что его осторожное применение позволяет более наглядно описать трансформацию военных структур и институтов на протяжении наиболее противоречивого периода их истории.

Стремление исследователей ответить на вопрос о континуитете мировых войн вызвало интерес к истории немецкой системы принудительного труда. Й. Ольтмер, И. Ленцен, К. Рава подробно освещают аспекты привлечения военнопленных Первой мировой войны к работе на немецких предприятиях¹⁷. Отсутствие источников не позволило авторам столь же детально представить особенности принудительного труда в прифронтовой зоне и на оккупированных территориях. За кадром остались и реакции самих военнопленных на принудительное погружение в чужую производственную среду.

Черты преемственности или различия двух конфликтов историки пытаются выявить и в самом феномене концлагеря¹⁸, при этом основным объектом дискуссии остается т.н. «тезис о прототипе» – утверждение о решающей роли лагерей Первой мировой войны как предшественников ГУЛАГа и нацистских концлагерей. Справедливость этого тезиса однозначно отрицает А. Рахамимов, не приводя,

¹⁵ См.: *Wurzer G.* Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Russland im Ersten Weltkrieg. Goettingen, 2005; *Нахтигаль Р.* Осмотр лагерей военнопленных в России сестрами милосердия Центральных держав в 1915 – 1917 гг. // Опыт мировых войн... С. 83–94.

¹⁶ См.: *Hinz U.* Gefangen im Großen Krieg: Kriegsgefangenschaft in Deutschland. Essen, 2005

¹⁷ См., например: *Oltmer J.* Bäuerliche Oekonomie und Arbeitskräftepolitik im Ersten Weltkrieg. Beschäftigungsstruktur, Arbeitsverhältnisse und Rekrutierung von Ersatzarbeitskräften in der Landwirtschaft des Emslandes 1914–1918. Soegel, 1995; *Ленцен И.* Использование труда русских военнопленных в Германии (1914–1918) // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 129–137; *Rawe K.* '... wir werden sie schon zur Arbeit bringen!'. Ausländerbeschäftigung und Zwangsarbeit im Ruhrkohlenbergbau während des Ersten Weltkrieges. Essen, 2005.

¹⁸ См., например: *Armanski G.* Maschinen des Terrors. Das Lager in der Moderne. Muenster, 1993.

однако каких-либо веских аргументов¹⁹. Р. Нахтигаль видит принципиальную разницу в том, что в годы Первой мировой войны еще не существовало государственной политики массового истребления военнопленных²⁰.

Стремясь избежать исторического детерминизма, который, к сожалению, часто присутствует в сравнительных исследованиях двух глобальных конфликтов, автор диссертационного исследования тем не менее старалась провести возможные параллели, либо, напротив, подчеркнуть дисконтинуитет Первой и Второй мировых войн. Для этого в работе учитывалась обширная историографическая традиция изучения Второй мировой войны²¹, а также исследования мероприятий нацистской пропаганды среди советских пленных²².

К теме немецкой агитации в лагерях среди национальных меньшинств Российской империи обращались многие авторы, однако до сегодняшнего дня она не рассматривалась в качестве целостного явления²³. Опора на выводы Г. Лилевичуса²⁴ и современные (пост)колониальные исследования²⁵ позволяет рассматривать оценить агитацию среди национальных меньшинств Российской империи в лагерях военнопленных как часть немецкого колониального проекта и важный компонент ведения войны.

¹⁹ *Rachamimow A.* POWs and the Great War. Captivity on the Eastern Front. Oxford, 2004. P. 78–86.

²⁰ *Nachtigal R.* Kriegsgefangenschaft... S. 90, 137–138.

²¹ См., например: *Die Lagergesellschaft. Eine Untersuchung der zwischenmenschlichen Beziehungen in den Kriegsgefangenenlagern. Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges.* Bd. 2. Muenchen, 1967; *Полян П. М.* Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. М., 2002; *Ерин М. Е.* Советские военнопленные в нацистской Германии, 1941–1945 гг.: проблемы исследования. Ярославль, 2005.

²² См.: *Streit Chr.* Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen, 1941–1945. Stuttgart 1978; *Umbreit H.* Deutsche Herrschaft in der Sowjetunion // Erinnerung an einen Krieg. Berlin 1994. S. 28–35; *Hartmann Chr.* Massensterben oder Massenversichtung? Sowjetische Kriegsgefangene im Unternehmen "Barbarossa" // Vierteljahrshefte fuer Zeitgeschichte. 49 (2001). S. 97–159.

²³ См., например: *Nachtigal R.* Kriegsgefangenschaft... S.32–42, 128; а также: *Bihl W.* Die Kaukasus–Politik der Mittelmächte. Ihre Basis in der Orient–Politik und ihre Aktionen 1914–1917. Teil I–II. Wien, 1975; *Hoepf G.* Muslime in der Mark. Als Kriegsgefangene und Internierte in Wuensdorf und Zossen, 1914–1924. Berlin, 1997.

²⁴ *Liulevicius V.G.* Kriegsland im Osten. Eroberung, Kolonisierung und Militaerherrschaft im Ersten Weltkrieg. Hamburg, 2002.

²⁵ См., например: *Osterhammel J.* Kolonialismus. Geschichte–Formen–Folgen. Muenchen, 2009; *Zimmerer J.* Die Geburt des „Ostlandes“ aus dem Geiste des Kolonialismus. Die nationalsozialistische Eroberungs– und Beherrschungspolitik in (post)kolonialer Perspektive // Sozial.Geschichte. 2004. H. 1. S. 10–43; *Hochgeschwender M.* Kolonialkriege als Experimentierstaetten des Vernichtungskrieges? // Formen des Krieges. Von der Antike bis zur Gegenwart / hg. von D.Beyrau u.a. Tuebingen, 2007. S. 269–290.

В устойчивую историографическую традицию, коренящуюся в межвоенном периоде, превратились описания отдельных немецких лагерей военнопленных²⁶. Большинство современных работ отличает сходная постановка вопросов и структура. Тем не менее, некоторым авторам удалось сформулировать обобщающие выводы о системе плена в целом²⁷.

Стремление выявить специфику опыта военнопленных русской армии в контексте Восточного фронта обусловило обращение автора данной работы к существующим исследованиям систем плена в других странах или опыта пребывания в лагерях других национальных групп. В. Карелин посвятил своей краткий обзор содержанию интернированных русских солдат и офицеров в Норвегии²⁸, Т. Симонова и Н. Райский, акцентируя свое внимание на военнопленных Красной Армии в польских лагерях, затронули тему солдат и офицеров царской армии, оказавшихся на территории этой страны после провозглашения независимого государства²⁹. На примере сравнительно небольшой группы русских военных, вынужденно оказавшихся в Швейцарии в годы Первой мировой войны, Т. Бюргиссер рассмотрел не только судьбу самих военнопленных, но и эволюцию швейцарской политики в отношении вынужденных мигрантов и трансформацию образа России в сознании швейцарской общественности³⁰. Несмотря на разницу в постановке вопросов и выбор методологических подходов, монография В. Мориц³¹, посвященная австрийской системе лагерей, дает возможность выявить отличительные особенности немецкого плена и представить переработку индивидуальных переживаний плена в условиях Советской России. Ориентиром для данной

²⁶ См., например: *Frendt A.* Das Kriegsgefangenenlager Puchheim. Muenchen, 1922; *Otte K.* Lager Soltau. Das Kriegsgefangenen- und Internierungslager des Ersten Weltkrieges. Geschichte und Geschichten. Soltau, 1999.

²⁷ См., например: *Koch R.* Das Kriegsgefangenenlager Sigmundsherberg. Wien, 1981; *Mitze K.* Das Kriegsgefangenenlager Ingolstadt waehrend des Ersten Weltkrieges. Muenster, 2000.

²⁸ *Карелин В.А.* Проблема интернирования русских военнопленных Первой мировой войны // Новая и Новейшая история. 2010. № 1. С. 93–105.

²⁹ См.: *Райский Н.* Польско–советская война 1919–1920-х годов и судьба военнопленных, заложников и беженцев. М., 1999; *Симонова Т.М.* Советская Россия (СССР) и Польша. Военнопленные Красной армии в польских лагерях (1919–1924 гг.). М., 2008.

³⁰ *Buergisser T.* “Unerwuenschte Gaeste”. Russische Soldaten in der Schweiz 1915–1920. Zuerich, 2010.

³¹ *Moritz V.* Zwischen Nutzen und Bedrohung. Die russischen Kriegsgefangenen in Oesterreich-Ungarn (1914–1921). Bonn, 2005.

работы стала также статья Г. Дэвиса о Красноярском лагере Первой мировой войны как социальном сообществе³².

Тема российских военнопленных, содержащихся в лагерях Германии и Австро-Венгрии и репатриированных позже на родину, затрагивается в работах по миграционной политике Германии и Советской России³³. К этой же группе при-
мыкают исследования судеб представителей русской эмиграции, в том числе бывших военнопленных, не пожелавших возвращаться в Советскую Россию или оказавшихся в европейских странах после поражения белых армий³⁴. К сожалению, в некоторых исследованиях перспектива центральных государственных учреждений или ограничение анализа на уровне изданных директив заслоняет реальную ситуацию на местах, а также переживания самих объектов эвакуационных мероприятий. Тем временем, изучение истории «снизу» позволило пересмотреть весьма спорные выводы Ю. Фельштинского об установлении большевиками «тотального контроля» над переходом границы уже в декабре 1917 г. а также тезисы И. Щерова о безоговорочных успехах большевистской эвакуационной и мобилизационной политики³⁵.

Проникновение культурно-исторических веяний в современные работы по военной истории вызвало интерес исследователей к изучению образов «своих» и «чужих» и роли взаимных предубеждений в консолидации воюющих обществ³⁶.

³² Davis G. H. Prisoner of War Camps as Social Communities: Krasnoyarsk 1914–1921 // *Eastern European Quarterly*. 21. 1987. P. 147–163.

³³ См., например: Семенов Л.В. Основные направления земельной политики на Кубани в конце XVIII – первой четверти XX вв.: дис. ... к.и.н. Ростов, 2003; *Nachtigal R. Die Repatriierung der Mittelmaechte–Kriegsgefangenen aus dem revolutionaeren Russland. Heimkehr zwischen Agitation, Buergerkrieg und Intervention // Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs. S.239–266; Oltmer J. Repatriierungspolitik im Spannungsfeld von Antibolschevismus, Asylgewaehung und Arbeitsmarktentwicklung. Kriegsgefangene in Deutschland 1918–1922 // Kriegsgefangene im Europa... S. 267–294; Жданова И.А. «Эти военнопленные страшно озлоблены...». Организация возвращения российских пленных в 1918 – начале 1919 г. в Петрограде // *Клио*. 2010. № 1. С. 138–144.*

³⁴ См., например: *Baur J. Zwischen „Roten“ und „Weissen“ – russische Kriegsgefangene in Deutschland nach 1918 // Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941. Leben in europaeischen Buergerkrieg / hg. von K. Schloegel. Berlin, 1995. S. 93–108; Рутыч Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России (Материалы к истории белого движения). М., 1996; Волков С.В. Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. М., 2002; Волков Е.В., Егоров Н.Д., Купцов И.В. Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны: Биографический справочник. М., 2003.*

³⁵ См., например: *Фельштинский Ю. К истории нашей закрытости. Законодательные основы советской иммиграционной и эмиграционной политики. М., 1991. С. 5–6; Щеров И.П. Миграционная политика в России, 1914–1922. Смоленск, 2000.*

³⁶ См., например: *Сергеев Е.Ю. Образ Запада в представлениях военной элиты России, 1900 – 1914 гг.: дис. ... д.и.н. Москва, 2001; Поршнева О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004; Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: эволюция "образа врага" в сознании армии и общества. М., 2006; Сенявский А. С., Сенявская Е. С. Историческая имагология и проблема формирования «об-*

Исследователи военного плена едины во мнении, что солдаты и офицеры противника в лагерях представляли собой важный объект национальной и революционной пропаганды и инструмент давления на вражеское государство³⁷. Однако до сих пор не уделялось достаточного внимания степени воздействия образов врага на мотивацию ведомств и отдельных индивидов, работавших с военнопленными, а также специфике дискурсов плена в России и Германии и их трансформации в революционный период.

За последние годы прочные позиции в современной историографии заняло изучение военной повседневности, вопросов усвоения «маленьким человеком» переживаний фронта и тыла³⁸. Смена исследовательского ракурса не только приближает нас к истории конкретного индивидуума, но и позволяет дополнить, а иногда и пересмотреть сложившиеся представления о структурах, явлениях и процессах. Попытки исследователей разговорить «молчаливые» маргинальные группы привели к изучению особенностей формирования языка как аккумулятора нового индивидуального и коллективного опыта. Работы, изучающие изменение речевых структур и их наполнения на примере Первой и Второй мировой войн³⁹, являются полезным ориентиром при исследовании языка плена, выработки каналов получения и передачи информации в условиях закрытой от внешнего мира среды, образцов восприятия и толкования. При изучении послереволюционной трансформации языка пленных и их приобщения к советскому новоязу автор ориентировалась на тезисы С. Коткина, высказанные в работе о сталинизме как цивилизации⁴⁰.

раза врага» (на материалах российской истории XX в.) // Вестник РУДН. 2006. № 2 (6). С. 54–72; Голубев А. В. «Если мир обрушится на нашу республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. М., 2008.

³⁷ См., например: *Nachtigal R.* Privilegiensystem und Zwangsrekrutierung. Russische Nationalitaetenpolitik gegenueber Kriegsgefangenen aus Oesterreich-Ungarn // *Kriegsgefangene im Europa...* S. 167–194.

³⁸ См., например: *Ulrich B.* Frontalltag im Ersten Weltkrieg. Wahn und Wirklichkeit. Frankfurt am M., 1994; „Keiner fuehlt sich hier mehr als Mensch...“ Erlebnis und Wirkung des Ersten Weltkrieges / hg. von *G. Hirschfeld, G. Krumeich.* Frankfurt am M., 1996; *Сенявская Е.С.* Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997; *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: Исторический опыт населения России. М., 1999; *Сенявская Е.С.* Военно-историческая антропология – новая отрасль исторической науки // *Отечественная история.* 2002. № 4. С. 135–145; *Goerke G.* Russischer Alltag. Eine Geschichte in neun Zeitbildern vom Fruehmittelalter bis zur Gegenwart. Bd. 3. Sowjetische Moderne und Umbruch. Zuerich, 2005.

³⁹ См., например: *Fussell P.* The Great War and Modern Memory. Oxford, 1977; *Schuh H.* Das Geruecht. Psychologie des Geruechts im Krieg. Muenchen, 1983; Преодоление рабства. Фольклор и язык оstarбайтеров. 1942–1944 / сост. Б. Е. Чистова и К. В. Чистов. М., 1998.

⁴⁰ См.: *Коткин С.* «Говорить по-большевистски» // *Американская русистика...* С. 250–328.

Исследования официальной и популярной религиозности на Восточном фронте Первой мировой войны пока немногочисленны, при этом они практически не затрагивают тематику плена. В своем анализе деятельности военного духовенства Д. Байрау и А. Кострюков констатировали недостаток православных священников в армии, отсутствие у них должной подготовки и общее падение авторитета церкви среди солдат и офицеров⁴¹. Е. Сенявская, описывая бытовой мистицизм в русской армии, отметила преобладание в солдатской среде традиционного профессионального сознания, не затронув при этом вопрос о влиянии на него нового военного опыта⁴². Выводы И. Нарского о том, что в условиях революции народная религиозность сохранила статус альтернативной культурной системы толкования действительности и выбора моделей поведения⁴³, позволяют провести сравнение лагерной религиозности с трансформацией набожности в русской провинции того же периода.

В последние годы пристальное внимание к социальной истории и «маленькому человеку» обусловило активизацию изучения послевоенных обществ и проблемы возвращения бывших комбатантов к мирной жизни⁴⁴. Исследователи, анализирующие положение ветеранов и инвалидов по окончании мировых войн, приходят к выводу, что и в победивших, и в проигравших странах увечные исключались из официальной дискуссии и воспринимались как досадное напоминание о негативной стороне произошедших событий⁴⁵. Несмотря на отсутствие спе-

⁴¹ См.: Байрау Д. Фантазии и видения в годы Первой мировой войны: Православное духовенство на службе Вере, Царю и Отечеству // Петр Андреевич Зайончковский. Сборник статей / под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2008. С. 752–774; Кострюков А. Русское военное духовенство в 1917 г. Опубликовано на сайте «Седмица». Url.: <http://www.sedmitza.ru/index.htm?did=36954>.

⁴² См.: Сенявская Е.С. Бытовая религиозность на войне (на примере двух мировых и советско–афганской войн) // Менталитет и политическое развитие России / под ред. А.А. Горского. М., 1996. С. 135–136.

⁴³ См.: Нарский И. Народная религиозность на территории Оренбургского казачьего войска в испытаниях революцией (1917–1922) // Оренбургское казачье войско. Религиозно–нравственная культура / под ред. А.П. Абрамовского. Челябинск, 2001. С. 125–139; Нарский И. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922. М., 2001. С. 156–161.

⁴⁴ См., например: Kienitz S. Der Krieg der Invaliden. Koerperbilder und Maennlichkeitskonstruktionen nach dem Ersten Weltkrieg // Militaergeschichtliche Zeitschrift. 2001. Н. 2. S. 367–402; Физелер Б. Развитие государственной помощи инвалидам в России от поздней Российской империи до сталинской «революции сверху» // Опыт мировых войн ... С. 49–64.

⁴⁵ См.: Poeppinhege R. Kriegsteilnehmer zweiter Klasse? Die Reichsvereinigung ehemaliger Kriegsgefangener, 1919–1933 // Militaergeschichtliche Mitteilungen. 64 (2005). S. 391–423; Abbal O. Die franzoesische Gesellschaft der Zwischenkriegszeit und die ehemaligen Kriegsgefangenen // Kriegsgefangene im Europa... S. 295–308; Eichenberg J. Soeldner der Besatzer oder Helden des Unabhaengigkeitskampfes? Die Debatte um die polnischen Veteranen des Ersten Weltkrieges // Die Weltkriege als symbolische Bezugspunkte. Polen, die Tschechoslowakei und Deutschland nach dem Ersten und nach

циальных работ по вопросам интеграции в мирную жизнь российских ветеранов Первой мировой войны, ориентиром для рассмотрения реабилитационных мероприятий по отношению к бывшим военнопленным старой армии в более широком контексте служит существующая литература по вопросам советской социальной политики⁴⁶.

Одной из центральных тем в современных исследованиях невоенных аспектов Первой мировой войны является вопрос об усвоении и использовании властью и обществом военного опыта в качестве модели контроля и дисциплинирования отдельных групп и социума в целом, в том числе путем цензуры переживаний и воспоминаний о войне⁴⁷. Представляется, что воспоминания военнопленных как в Советской России, так и в эмиграции позволяют реконструировать процессы формирования коммуникативной памяти конкретного «сообщества переживаний» в условиях разных политических конъюнктур.

Таким образом, отсутствие комплексного осмысления феномена плена Первой мировой войны на Восточном фронте подчеркивает актуальность данного исследования. Избранная автором постановка проблемы, выбор объекта и методов его изучения позволяют внести значимый вклад в оживленные дискуссии, ведущиеся на сегодняшний день в мировой исторической науке: о формах и типах, преемственности и разрывах в опыте современных войн, об усвоении этого опыта институтами, обществами и индивидуумами, об особенностях адаптационных практик «маленького человека» к экстремальной ситуации, о структурах коммуникативной и культурной памяти и целом ряде других.

Цель диссертации заключается в исследовании индивидуального и группового опыта военного плена Первой мировой войны, сложившегося на основе пе-

dem Zweiten Weltkrieg / hg. von N. Stegmann. Praha, 2009. S. 147–168; *Stegmann N.* Kriegsdeutungen–Staatsgründungen–Sozialpolitik. Der Helden– und Opferdiskurs in der Tschechoslowakei, 1918–1948. Muenchen, 2010.

⁴⁶ См.: *Физелер Б.* Развитие государственной помощи... С. 49–64; Советская социальная политика 1920-х–1930-х годов: идеология и повседневность / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М., 2007; *Ярская-Смирнова Е.Р.* Формирование представлений об инвалидности в советском кинематографе 1920-х–1940-х гг. // *Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.* / под ред. Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлыниной. Ростов-на-Дону, 2009. С. 367–377.

⁴⁷ См., например: *Никонова О.* Военное прошлое России и советский патриотизм: к постановке проблемы // *Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии.* Сб. статей / под ред. И.В.Нарского. Челябинск, 2004. С. 496, 498.; *Мусеева И.Ю.* Мировая война и коллективная память. Первая мировая // *Клио.* 2006. № 1. С. 190–196; *Волков Е.В.* «Гидра контрреволюции». Белое движение в культурной памяти советского общества. Челябинск, 2008; *Katzer N.* Russlands Erster Weltkrieg. Erfahrungen, Erinnerungen, Deutungen // *Nordostarchiv.* 2009. S. 267–292.

реживаний солдат и офицеров русской армии в немецких лагерях, а также в изучении процессов переработки и усвоения этого опыта в рамках институциональных структур и общественной коммуникации в России военного и межвоенного периода.

Для ее достижения необходимо решить следующие **задачи**:

- проанализировать факторы, определившие опыт плена Первой мировой войны на Восточном фронте: нормы международного права, интернациональные отношения по вопросам плена, российский/советский дискурс войны и плена, деятельность государственных и общественных организаций в реализации мероприятий помощи военнопленным;

- охарактеризовать историю становления и своеобразие «пространства опыта» немецкого плена Первой мировой войны, включая фазы развития лагерной системы, дисциплинарные практики, привлечение солдат противника к принудительным работам, национальную и политическую агитацию среди военнопленных, контактную среду за пределами колючей проволоки;

- рассмотреть процесс формирования лагерного «сообщества переживаний»: складывание формальной и неформальной иерархии, степень взаимодействия с немецкими военными органами, взаимоотношения с другими национальными группами в плену;

- реконструировать непосредственную реакцию военнопленных на пребывание в лагерях, контакты с чуждой культурной средой и политические катаклизмы «периода катастроф»: поведенческие практики, повседневную религиозность, образцы восприятия и толкования окружающей действительности, особенности их коммуникации;

- исследовать процесс репатриации бывших военнопленных и их реабилитации в новом обществе в условиях революции и Гражданской войны;

- изучить специфику индивидуальной, групповой и институциональной переработки опыта плена в Советской России и эмиграции.

Методология исследования основывается на междисциплинарном подходе, объединяющем в себе достижения не только собственно истории, но и смежных

наук: антропологии, этнологии и социологии. Данный подход позволяет обеспечить многостороннее изучение исследуемого феномена сквозь призму интерпретационных моделей культурной истории (истории повседневности, исторической антропологии, дискурсивной истории, гендерной истории, истории эмоций); а также сблизить ракурсы макро- и микроистории истории и реконструировать как процессы складывания и трансформации социальных институтов, повседневный мир и переживания исторических актеров, так и символическое измерение социального действия.

Основным методологическим ориентиром для данного исследования послужила предложенная теоретиками социологии знания концепция *опыта*, которая, по мнению К. Латцеля, «...точнее и ...объемнее, чем применявшиеся до сих пор теории повседневности или менталитета, позволяет выразить "субъективное" измерение военной истории и структурировать его исследование»⁴⁸. Так, Р. Козеллек, обосновавший взаимодополняемость понятий «пространство опыта» и «горизонт ожиданий», подразумевает под опытом «настоящее прошедшего ..., включающее в себя как рациональную переработку, так и бессознательные способы поведения»⁴⁹. К. Латцель определяет опыт как «удающуюся интерпретацию пассивных и активных переживаний» отдельного сообщества⁵⁰. Наконец, Н. Бушманн и Х. Карл дефинируют опыт как постоянный процесс переработки, объединяющий в себе восприятие, толкование и действие. Соответственно, государственные и общественные институты и господствующие в них толкования рассматриваются как усвоенный опыт⁵¹. Исследователи едины во мнении, что «опыт образует своеобразное место среза между индивидуумом и обществом»⁵² и именно здесь «находит свое выражение диалектическое соотношение между действием и социальной структурой, между субъективными и объективными факторами чело-

⁴⁸ Latzel K. Vom Kriegserlebnis zur Kriegserfahrung. Theoretische und methodische Ueberlegungen zur erfahrungsgeschichtlichen Untersuchung von Feldpostbriefen // Militaergeschichtliche Mitteilungen. 56 (1997). S. 11.

⁴⁹ Koselleck R. Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt am M., 1989. S. 354.

⁵⁰ Latzel K. Vom Kriegserlebnis... S. 14.

⁵¹ Buschmann N., Carl H. Zugaenge zur Erfahrungsgeschichte des Krieges. Forschung, Theorie, Fragestellung // Die Erfahrung des Krieges: Erfahrungsgeschichtliche Perspektiven von der Franzoesische Revolution bis zum Zweiten Weltkrieg / hg. von N. Buschmann, H. Carl. Paderborn, 2001. S. 17. Применительно к российскому материалу см.: Нарский И.В. «Я как стал среди войны жить, так и стала мне война, что дом родной...» Фронтовой опыт русских солдат в «германской» войне до 1917 г. // Опыт мировых войн... С. 488–502.

⁵² Latzel K. Vom Kriegserlebnis... S. 16.

веческой действительности»⁵³. Изучение поведенческих, телесных и коммуникативных социальных практик, образцов восприятия и толкования, выработанных на основе переживаний плена, способствует выявлению особенностей усвоения опыта первой современной войны индивидом, социальной группой и обществом в целом.

Особое внимание в работе уделяется изучению восприятия и толкования смысла событий, а также влияния интерпретационных моделей на институциональные и социальные практики. Значимым методологическим инструментом при этом является понятие *дискурса* как «ограниченного пространства коммуникации», обуславливающего возможность и невозможность в определенный исторический момент и на определенном географическом пространстве делать определенные высказывания о мире и о себе. Предметом дискурсивного анализа является не столько свод текстов и понятий, сколько рамки и правила, которые структурируют производство текстов и понятийное описание мира⁵⁴. Одним из исходных тезисов данной работы является предположение о том, что российский и германский дискурс плена определяли речевые формы и содержание говоримого, пространство действия социальных групп, производили социальную реальность и структурировали ее восприятие.

Наряду с опытом исследование феномена плена обращается к изучению иных антропологических констант и техник, особенно востребованных в чрезвычайных условиях. Исследование «пространства опыта» лагеря как среды постоянного контроля и принуждения базируется на *эластичном понятии насилия*, в котором помимо непосредственного физического и неявного морального насилия внимание уделяется факторам, способствовавшим его возникновению и распространению, а также практикам, формам и степени принуждения⁵⁵. В условиях военного плена насилие стало не только инструментом управления немецких военных органов, но и орудием сопротивления самих пленных. Важным для анализа является

⁵³ Buschmann N., Carl H. Zugaenge zur Erfahrungsgeschichte... S. 17.

⁵⁴ Daniel U. Kompendium Kulturgeschichte. Theorien, Praxis, Schlüsselwoerter. Frankfurt am M., 2001. S. 356.

⁵⁵ См.: Burschel P. u.a. Eine historische Anthropologie der Folter. Thesen, Perspektiven, Befunde // Das Quaelen des Koerpers. Eine historische Anthropologie der Folter. Koeln, 2000. S. 3–10; Schumann D. Europa, der Erste Weltkrieg und die Nachkriegszeit: eine Kontinuitaet der Gewalt? // Journal of modern European history. 1. 2003. S. 24–43.

выявление соотношения произвольного насилия и организованного дисциплинирования на разных этапах развития немецких лагерей.

Вспомогательной исследовательской категорией при изучении системы военного плена стало понятие *морфология лагеря*, которое охватывает целую палитру его функций и проявлений как социального, архитектурного и ментального комплекса. Взгляд на лагерь в исследовательской перспективе единства времени, места и действия позволяет выявить характерные для того периода властные практики организации пространства принуждения, а также восприятие, усвоение и реинтерпретацию этих конструктов историческими актерами⁵⁶.

Погружение в экстремальную ситуацию военного плена и столкновение с чуждой культурной средой вынудило солдат и офицеров русской армии к поиску адекватных механизмов поддержания или новообразования индивидуальной и коллективной *идентичности*. Являясь одной из существенных антропологических констант, она выражается не только вербально, но и состоит из множества телесных и поведенческих практик⁵⁷. В основу исследования усвоения переживаний плена в условиях Советской России и эмиграции положены теоретические разработки современных социальных наук об особенностях формирования *коллективной памяти*⁵⁸, которая определяется как важный элемент индивидуальной и коллективной идентичности, а также значимый властный инструмент и средство господства. Предполагается описать, как из первоначально многослойной среды воспоминаний в процессе институциональной обработки вытеснялись и исключались неудобные, а подходящие под господствующий образец возводились в статус шаблона. Необходимо выяснить, какие значимые ранее события и лица были забыты в процессе «оккупации» и насколько членам маргинальной социальной группы удалось перевести символический капитал памяти в капитал социальный.

⁵⁶ Подробнее о данном аналитическом ракурсе см.: Die nationalsozialistischen Konzentrationslager. Entwicklung und Struktur / hg. von U. Herbert. Goettingen, 1993; *Armanski G.* Die Gewaltmaschine... S.141–145; *Schloegel K.* Im Raume lesen wir die Zeit. Ueber Zivilisationsgeschichte und Geopolitik. Muenchen, 2003.

⁵⁷ См., например: *Wagner P.* Fest-Stellungen. Beobachtungen zur sozialwissenschaftlichen Diskussion ueber Identitaet // Identitaeten / hg. von A.Assman, H. Friese. Frankfurt am M., 1998. S. 44-72.

⁵⁸ См., например: *Welzer H.* Das kommunikative Gedaechnis: eine Theorie der Erinnerung. Muenchen, 2008; *Gedaechtnis und Erinnerung: ein interdisziplinaires Handbuch* / hg. von Chr. Gudehus. Stuttgart, 2010.

В работе были использованы также методы традиционного конкретно-исторического исследования: институциональный, сравнительный и системный анализ. Специфика применения избранного методологического подхода к отдельным группам источников уточняется при последующей характеристике использованных в исследовании материалов.

Работа основана на обширном комплексе российских и немецких **источников**. В российских архивах (Государственном архиве Российской Федерации, Российском государственном военно-историческом архиве, Российском государственном военном архиве, Российском государственном архиве социально-политической истории, Объединенном государственном архиве Челябинской области) и библиотеках (Российской государственной библиотеке, Государственной публичной исторической библиотеке) сохранились фонды государственных учреждений и общественных организаций, работавших с военнопленными, воззвания благотворительных комитетов, коллекции писем пленных к родным и их обращений в соответствующие инстанции, а также опубликованные и неопубликованные воспоминания. Благодаря федеральной военной и архивной организации Германской империи и Веймарской республики можно частично восполнить потерю центральных актов Первой мировой войны, уничтоженных в пожаре 1945 г. Материалы земельных архивов Саксонии, Баварии и Вюртемберга содержат распоряжения Прусского военного министерства (далее – ПВМ)⁵⁹, текущую переписку и финальные отчеты местных ведомств и лагерных комендатур, письма, прошения самих пленных, результаты опросов, фотографии. В отделах Федерального архива ФРГ и в Государственной библиотеке Берлина сохранились коллекции приказов комендантов лагерей, лагерные газеты, программы лагерных досуговых мероприятий.

Весь комплекс привлеченных к анализу материалов, а также особенности работы с ними целесообразно характеризовать в рамках следующих источниковых групп:

⁵⁹ В отсутствие имперского военного министерства в Германии Департамент размещения Прусского военного министерства координировал деятельность федерально организованных ведомств по работе с военнопленными противника.

1. *Нормативные акты и делопроизводство* политических и военных органов дореволюционной и Советской России и Германии, а также российских/советских благотворительных комитетов. Отсутствие в России четкой организации мероприятий помощи военнопленным, смена политических режимов, конкуренция общественных и государственных учреждений в вопросе материальной и духовной поддержки пленных соотечественников, наконец, подвижность фронтов Первой мировой и Гражданской войн обусловили разнородность делопроизводственного материала. В свою очередь, сложная и многоуровневая структура немецкой лагерной системы, а также реструктуризация органов после Ноябрьской революции являются причиной гетерогенности немецких источников. Помимо разрозненности материала серьезную проблему для исследователя представляет уже упомянутое отсутствие полных и детализированных статистических данных. Тем не менее, анализ документов данной группы в совокупности с другими источниками позволяет описать институциональную перспективу – российский дискурс военного плена, систему лагерей в Германии, особенности репатриации бывших солдат и офицеров русской армии, а также мероприятия по их дальнейшему привлечению к военным действиям Гражданской войны и строительству нового государства.

2. *Военная пресса и публицистика* России и Германии служили средством создания и поддержания патриотического консенсуса, а также мобилизации общественных усилий на военные цели. Немецкие пропагандистские издания стремились стабилизировать хрупкий гражданский мир и представить Германию защитницей европейской культуры, воюющей против «целого мира врагов». В России многочисленные публикации свидетельств вернувшихся из плена были нацелены на изобличение врага в глазах российской и международной общественности. Изучение источников данной группы позволяет воссоздать «горизонт ожиданий» солдат и офицеров русской армии, российских и германских военных и политических органов, а также общественных организаций и гражданского населения, который определил складывание специфического «пространства опыта» лагеря, индивидуальные и групповые образцы толкования и поведенческие практи-

ки. Созданная военной пропагандой обеих стран конструкция «другого» рассматривается в исследовании в качестве гибкого, многослойного образования, которое зависит от среды бытования и трансформируется на основании нового опыта. Подобный ракурс анализа данной группы источников позволит выйти за границы изучения изолированных на себе пропагандистских шаблонов и осветить взаимосвязь между сконструированными представлениями и политической практикой.

3. *Лагерная пресса.* Путем кропотливого поиска сохранившихся русскоязычных лагерных изданий были обнаружены и проанализированы отдельные номера газет «Сквозняк», «Джихад», «Селянин», «Громадска думка», «Doeberiz-Gazette», «Неделя» и «Русский вестник»⁶⁰. Являясь одним из немногих источников, созданных непосредственно в лагерях, материал газет позволяет реконструировать не только лагерную повседневность, внутреннюю иерархию пленного сообщества, работу органов самоуправления, досуг, но и язык плена, палитру эмоциональных проявлений, образцы восприятия и толкования нового опыта.

4. *Визуальные источники.* В ходе Первой мировой войны в целях пропаганды впервые столь широко были использованы визуальные средства, в том числе фотография, воспринимавшаяся современниками как «безусловно правдивый» способ фиксации действительности. По мнению Й.Егера, именно зависимость фотографии от целеполагания определенных групп и лиц является ее главным достоинством для исторического исследования⁶¹. Изучение процесса создания, использования и рецепции фотографических снимков российских пленных Первой мировой войны позволит глубже раскрыть функционирование политической пропаганды и общественной коммуникации в России и Германии, а также международной дискуссии о войне. Помимо пропагандистских фотографий, созданных в рамках деятельности Чрезвычайной следственной комиссии, к анализу были привлечены постановочные снимки, сделанные представителями немецких военных органов в лагерях, опубликованные в германских научных и пропагандистских изданиях, либо осевшие в архивах соответствующих ведомств. Данный вид фото-

⁶⁰ См. также: Три пайки хлеба (рукописный журнал пленных немецкого лагеря Фридрихсфельд) // Родина. 1993. № 8/9. С. 127–132.

⁶¹ См.: Jaeger J. Photographie: Bilder der Neuzeit. Einfuehrung in die Historische Bildforschung. Berlin, 2000. S. 80.

графий отражает стереотипные представления немецкой стороны о противнике, стремление экзотизировать пленных, а также запечатлеть новый опыт лагеря. Анализ графических изображений, созданных самими пленными, дополняет исследование эмоционального состояния в лагерях, а также индивидуального и группового восприятия структур плена и политических событий на родине.

5. *Письма* являются одной из важных групп эго-документов, которая требует чрезвычайно осторожного анализа. В новейших исследованиях военных писем подчеркивается их зависимость от господствующего дискурса и культурного багажа автора, а также вытекающая отсюда задача историка по предварительному выявлению внешних условий создания подобных источников, механизмов самоконтроля авторов и других влияющих факторов⁶². Так, содержание писем из германских лагерей определялось двойным фильтром немецкой и русской цензуры, о которой было известно самим пленным, заданностью формата открытки или письма, вынужденной длительностью пересылки, вследствие которой «горячие» новости теряли свою актуальность, а также неграмотностью значительной части солдат, которые при письменном общении с родственниками и инстанциями прибегали к помощи грамотных товарищей. Бросающееся в глаза однообразие писем, отложившихся в коллекциях российских архивов, а также специфика их подборки в советских публикациях могут быть частично компенсированы привлечением к анализу сохранившихся в германских архивах объемных отчетов цензорских отделов, тщательно фиксировавших только цитаты политического и военного содержания, но и высказывания о настроениях пленной массы. Изучение отражений письменной коммуникации в лагерях позволит исследовать формирование языковых практик и кодов, которые способствовали усвоению переживаний первой современной войны отдельной социальной группой и русским/советским обществом.

6. *Воспоминания и мемуары*. Благодаря деятельности Истпарта в фондах РГАСПИ сохранились неопубликованные воспоминания бывших пленных, при-

⁶² См., например: *Latzel K. Die Zumutungen des Krieges und der Liebe – Zwei Annaehrungen an Feldpostbriefe // Kriegsalltag: die Rekonstruktion des Kriegsalltags als Aufgabe der historischen Forschung / hg. von P.Knoch. Stuttgart, 1989. S. 204–221; Schikorsky J. Kommunikation ueber das Unbeschreibbare, Beobachtungen zum Sprachstil von Kriegsbrieft // Wissenswehr. 1992. S. 295–315.*

сланные в редакцию журнала «Пролетарская революция» с целью запечатления истории революционной деятельности в германских лагерях. Многие авторы не сумели отразить успехов большевистской агитации и революционного сознания пленной массы, поэтому их тексты не были допущены к публикации. Для данного исследования они содержат интересную информацию о повседневной жизни в лагерях и структурах коммуникативной памяти, а также специфическую лагерную лексику. Опубликованные в Советской России и в эмиграции мемуары представляют собой чрезвычайно субъективный материал, так как политические условия и групповые интересы помешали широкой и плюралистической циркуляции конкурирующих толкований. Преследуемые социальной группой и отдельными индивидами цели вызвали к жизни процессы перетолкования прошлого, а также фабрикации и гармонизацию воспоминаний в соответствии с распространенными общественными представлениями. Значимые ранее события и лица были забыты, действительные переживания вытеснены с целью усвоения навязываемых шаблонов интерпретации произошедших событий⁶³. Поэтому опубликованные воспоминания использовались в данной работе не столько для реконструкции реальных переживаний и опыта плена, сколько для исследования процессов унификации памяти о нем.

Представляется, что столь широкий спектр привлеченных к исследованию источников позволяет компенсировать пропагандистский характер военной публицистики и пересмотреть сложившиеся в исторической науке, популярной культуре и общественном сознании представления о военном плене Первой мировой войны.

Научная новизна исследования состоит в пересмотре распространенных стереотипов о немецкой системе лагерей, а также в представлении военного плена Первой мировой войны как процесса обучения и фактора эмансипации. В центр исследования впервые поставлены сами исторические акторы, их поведенческие реакции, образцы восприятия и толкования новых переживаний, складывание неформальных групповых структур. Делается вывод о значимой роли самих воен-

⁶³ См. подробнее: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование... С. 259.

нопленных в складывании облика лагерной системы, российской коммуникации о войне и формировании политических практик. В работе выявлены механизмы приспособления индивида и сообщества к условиям военного плена первой современной войны и конфликту с чужой культурной средой. Сквозь призму опыта плена рассмотрены такие дискуссионные сюжеты, как преемственность и дисконтинуитет лагерных систем Первой и Второй мировых войн, немецкая национальная агитация среди российских военнопленных, российская коммуникация по вопросам войны и плена, советская миграционная, агитационная и реабилитационная политика в отношении ветеранов Первой мировой войны, проблемы коммуникативной и культурной памяти о Великой войне и многие другие. В историческую дискуссию вводится широкий круг неисследованных ранее российских и немецких источников, их анализ осуществляется на оригинальной междисциплинарной методологической основе.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования материалов и выводов при создании обобщающих трудов по истории России и Германии, а также исследований по истории Первой мировой войны и военного плена в XX веке, при разработке лекционных и специальных курсов в высших учебных заведениях, написании учебных пособий.

Апробация результатов работы проходила в рамках докладов на международных конференциях и научных коллоквиумах, состоявшихся в Москве, Санкт-Петербурге, Челябинске, Самаре, Базеле, Берлине, Дюссельдорфе, Тюбингене и Фрайбурге. Основные положения диссертации отражены в монографии и статьях, в том числе в публикациях в ведущих научных рецензируемых журналах ВАК.

Структура работы включает введение, пять глав, заключение, список источников и литературы и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дается общая характеристика работы, обосновывается актуальность и научная значимость темы, определяются объект, предмет, территориальные и хронологические границы исследования, формулируются цель и задачи,

характеризуется степень изученности темы, методология исследования, дается обзор источников, определяется научная новизна и практическая значимость работы.

В первой главе «**Военный плен в международной и российской дискуссии**» описываются факторы формирования пространства опыта плена: международное право и межгосударственные отношения по вопросам плена, российская дискуссия о войне и плене, «горизонт ожиданий» солдат и офицеров, позиция российских/советских политических и военных органов в годы Первой мировой войны и межвоенного периода.

Первая мировая война ознаменовала собой рубеж начального этапа развития современного гуманитарного права. К концу первого десятилетия XX века при содействии стран – будущих участниц конфликта – был сформулирован набор положений по регулированию содержания военнопленных и деятельности нейтральных благотворительных организаций. Однако совершенно новый тип военного противостояния сделал невозможной реализацию многих норм, основанных на традициях предыдущей эпохи. И если на Западном фронте в ходе войны были подписаны дополнительные соглашения, смягчавшие условия содержания попавших в плен солдат и офицеров, то на Восточном фронте подобная практика реализовывалась с трудом. Сменявшие друг друга правительства в России по разным причинам не сумели расширить поле действия международного права и облегчить участь собственных подданных в лагерях Центральных держав. Более того, положение русских военнопленных было отягощено репрессивными мероприятиями, которые в годы войны превратились в часто используемое средство давления на противника.

До Февральской революции помощь пленным развертывалась в условиях правового вакуума и негласных запретов, отсутствия планомерной организации и координации действий и была обречена на провал. Стереотипные установки дореволюционных органов и инструментализация образа врага повлекли за собой катастрофические последствия. Стигма предательства, а также карательные мероприятия, предписанные по отношению к попавшим в плен и их семьям, отрица-

тельно сказывались не только на физическом, но и на психологическом состоянии заключенных в лагерях. Неспособность и нежелание политических и военных ведомств обеспечить материальную и политическую поддержку пленным привели к активизации деятельности организованной общественности, которая попыталась реализовать собственное видение вопроса мобилизации ресурсов на военные цели. Однако разрозненные усилия благотворительных комитетов не смогли в корне изменить ситуацию.

Попытка Временного правительства пересмотреть установки своих политических предшественников натолкнулась на недостаток средств и дипломатического влияния. В условиях массового братания солдат «демократической России» с противником новая власть отошла от объявленного ею принципа прощения «жертв прежнего режима» и вернулась к подозрительности и репрессиям в адрес пленным. Несмотря на поддержку организованной общественности, Временному правительству не удалось провести унификацию институтов помощи и придать ей масштабный государственный характер.

В условиях революционных потрясений в Центральной и Восточной Европе репатриация военнопленных «старой армии» приобрела не столько гуманитарное, сколько политическое значение. Солдаты и офицеры, находившиеся в немецких лагерях, рассматривались сторонами как резервуар для революционных и контрреволюционных формирований, средство давления на противника и повышения международного престижа. Антибольшевистская истерия в Германии обусловила стремление немецкой стороны как можно скорее избавиться от взрывоопасного контингента. Финансовые соображения и восприятие пленным как убежденных коммунистов привели к отказу Антанты от попыток привлечения их в состав интервенционных формирований. Приверженность антигерманским настроениям и желание действовать исключительно с ведома союзников не позволили белым правительствам осуществить массовую вербовку военнопленных в свои армии. И хотя невозможно говорить о безоговорочном успехе большевистской пропаганды в лагерях, советской стороне удалось с максимальным эффектом использовать вопрос репатриации для реализации своих внешнеполитических задач.

Что же касается положения внутри страны, то вопреки мощной атаке большевиков на благотворительные комитеты в первые годы существования нового режима, общественным организациям удавалось сохранить остатки самостоятельности и даже оказывать давление на власть в рамках критики неудач репатриации. Особое место в ряду благотворительных комитетов занимали союзы самих пленных, которые путем поддержания социальных сетей пытались сохранить идентичность своего сообщества. И только в начале 1920-х гг. советской власти полностью удалось поставить под свой контроль общественную активность и саму дискуссию по вопросам плена.

Вторая глава «Пространство лагерного опыта» посвящена описанию условий пребывания в лагерях, дисциплинарных практик, принудительного труда, контактов с немецким гражданским населением и национальной пропаганды, включая непосредственную реакцию самих пленных на столкновение с новой действительностью.

Пример содержания русских военнопленных в Германии в период Первой мировой войны свидетельствует, что радикализация стихийного насилия и санкционированного принуждения не являлась прямым следствием самого вооруженного конфликта, а стала возможной в результате взаимодействия множества факторов. Туманность и незавершенность определений Гаагской конвенции и ограниченное пространство действий нейтральных учреждений не позволили создать системы действенного внешнего контроля. Затяжной характер войны и огромное число пленных обусловили складывание лагерной организации, функционировавшей за счет поиска новых и ужесточения существующих дисциплинарных практик. Значимую роль сыграла немецкая военная пропаганда, представлявшая восточных соседей в качестве культурно неполноценной нации и в красках рисовавшая русские зверства по отношению к жителям Восточной Пруссии и немецким военнопленным. Фактически вне зоны контроля Берлина и представителей нейтральных держав оказалось множество рабочих команд. Попытки высших военных органов поставить дисциплинарные практики в рамки действующих международных соглашений и традиционно уважительное отношение к офицерам

противника свидетельствуют об ограниченном характере перехода к «тотальной войне».

Неготовность Германии к размещению и долгосрочному содержанию значительного количества солдат и офицеров противника, дефицит обеспечения и медицинского обслуживания привели к вспышке эпидемических заболеваний в лагерях в начальных период войны и к высокой смертности среди русских военнопленных. После стабилизации системы военного плена условия жизни солдат определялись типом лагеря, родом принудительных работ, принадлежностью к привилегированным категориям и множеством субъективных факторов. Разительные отличия наблюдались в условиях содержания солдат и офицеров. Унификации нового опыта послужило постоянное и интенсивное перемещение значительного контингента военнопленных. Оно не только сделало границу между лагерем и окружающим его миром максимально подвижной, но и способствовало формированию сообщества пленных с относительно одинаковыми образцами толкования и поведения.

Контактная среда пленных с немецким гражданским населением может быть охарактеризована как напряженное пространство, где пересекались личные и групповые интересы, преодолевались языковые барьеры, осуществлялась межкультурная коммуникация и трансфер знаний, и имели место трагические столкновения. Для мирных жителей пленные являлись единственным живым воплощением враждебного государства, на актуальное восприятие которого влияли, с одной стороны, заученные пропагандистские шаблоны, с другой – обыденность повседневного общения. Чем выше была плотность бытовых контактов, тем быстрее предубеждения сменялись нормальными межчеловеческими отношениями. Несмотря на свой статус, заключенные не всегда примирялись с навязываемой им ролью безропотной рабочей силы. Каждый из них по-своему приспособлялся к ситуации и пытался использовать ее для облегчения своего положения.

Агитация среди национальных меньшинств в лагерях военнопленных не являлась исключительным признаком германского ведения войны. Главной особенностью немецкой политики в контексте Восточного фронта стала нацеленность на

обеспечение долгосрочных экономических и политических интересов. С помощью привилегированного содержания военнопленных русских немцев, поляков, украинцев, прибалтов, грузин и мусульман и сепаратистской агитации в их среде немецкая сторона стремилась воплотить в жизнь свое видение послевоенного порядка в Восточной Европе. Значительное влияние на реализацию обширной пропагандистской программы оказал колониальный дискурс, породивший противоречие между планами развития на окраинных территориях России современного национализма и устремлением к колонизации данных областей. Восприятие восточно-европейского населения сквозь призму колониальных стереотипов не позволило рассматривать национальные меньшинства в качестве полноценных партнеров и организовать равноправное сотрудничество с ними. Решающую роль в корректировке намерений сыграла необходимость максимального использования принудительного труда. Широкая палитра реакций пленных на агитацию не позволяет говорить о масштабных результатах пропаганды, однако свидетельствует о процессе политизации в их среде. Не в последнюю очередь она определила линии раздела внутри лагерного сообщества.

В третьей главе **«Сообщество за колючей проволокой: неформальная иерархия, самоорганизация, конфликты»** анализируются структуры и внутренние взаимоотношения лагерного сообщества: формальная и неформальная иерархия, контакты и конфликты с другими национальными группами в лагерях.

Международные соглашения, политика немецких ведомств в лагерях и стремление пленных приспособиться к ситуации инициировали процессы интенсивной дифференциации внутри принудительно созданного сообщества. К привилегированным категориям, вознагражденным лучшими условиями содержания, относились «доверенные лица» комендатур, переводчики, представители пропагандируемых национальных меньшинств и корреспонденты агитационных газет. При этом жизнь коллаборационистов существенно осложнялась преследованиями со стороны товарищей по лагерю. К неформальной элите, возникшей в среде самих пленных, принадлежали лагерные ремесленники, торговцы, врачи, представители самоуправления и творческих профессий. Свидетельства о совместном

существовании столь разнопланового сообщества русских пленных подтверждает тезис об отсутствии идиллии лагерного товарищества. Напротив, принудительное общежитие изобиловало бытовыми, национальными и политическими конфликтами. Вопреки закрепившемуся в мемуарах и исследованиях образу, контакты между пленными солдатами и офицерами долгое время сохраняли свой патерналистский характер. Их постепенная трансформация началась под интенсивным влиянием политических событий в России, завершившись уже в условиях советской действительности восприятием классовой риторики.

Вехой в развитии лагерного самоуправления, возникшего по инициативе немецкой стороны, стала Октябрьская революция в России. Отличительными признаками двух этапов являлись состав комитетов, пространство их действия и характер взаимоотношений с немецкой стороной и пленным сообществом. В первый период поставленные во главе органов самоуправления врачи и священники стремились облегчить положение своих подопечных и организовать лагерный досуг. Сменившие их солдаты и вольноопределяющиеся, которые действовали в условиях политизации массы пленных и мощного давления со стороны советского представительства в Берлине, концентрировали свои усилия на организации отправки и политической пропаганде. Расширение компетенции комитетчиков привело к возникновению многочисленных конфликтов с лагерной администрацией, Советским бюро и пленными соотечественниками. Особой сферой самоорганизации в лагерях стала творческая жизнь, нашедшая проявление в деятельности любительских театров, оркестров и праздничных мероприятиях. Их основной целью стало скрашивание монотонности плена и компенсация утраченных вместе со свободой возможностей досуга.

Одним из важных факторов существования лагерного сообщества стало ограничение или почти полное отсутствие контактов с противоположным полом. Процесс демаскулинизации пленных в наибольшей степени проявился в практически изолированных от внешнего мира офицерских лагерях. Для солдат нехватка общения с женщинами компенсировалась на начальном этапе необходимостью повседневного выживания, позже – привлечением к труду в немецком хозяйстве,

где они получили возможность контактировать с немецкими женщинами. Тем не менее, образ противоположного пола регулярно присутствовал в разговорах, публикациях и различных проявлениях лагерной культуры. Факторами смягчения сексуального голодания выступили (псевдо)гомосексуальные отношения, графические проекции, театральные спектакли, посещения лагерей русскими сестрами милосердия. Значение «женской темы» возросло в связи с ожиданиями и опасениями перед возвращением на родину.

Одним из важнейших различий опыта немецкого и австрийского плена являлось совместное содержание русских военнопленных в Германии с представителями западноевропейских стран. Немецкая политика намеренного смешения в одном лагере солдат и офицеров разных наций привела к актуализации устойчивых стереотипов и возникновению многочисленных конфликтов между «союзниками». Языковые барьеры и разница обеспечения определили линии размежевания в солдатских лагерях. Большая степень солидарности и совместная организация досуга в офицерском интернациональном сообществе стали жертвой бытовых противоречий в плену и политических событий на родине.

В четвертой главе «Переработка переживаний, образцы толкования и поведенческие практики» освещаются различные аспекты непосредственного переживания нового опыта: выработка поведенческих моделей, восприятие и толкование плена, религиозные практики, роль плена как фактора эмансипации.

Источники, отражающие непосредственную ситуацию в лагерях, раскрывают перед нами интенсивный процесс приспособления солдат и офицеров к ситуации плена. Палитра поведенческих моделей, выработанных за время пребывания в лагере простиралась от пассивного принятия плена и бегства от действительности, скрытого и открытого сопротивления ситуации, поощряемых и подавляемых немецким командованием практик до организованных и стихийных выступлений. Скорость адаптации и разнообразие реакций часто являлись непосредственным ответом на вызов окружения: можно говорить о разнице образцов поведения пленных, содержащихся в основных лагерях и рабочих командах, зависимости форм сопротивления от фазы развития лагерной системы и ситуации на Восточ-

ном фронте, а также об особенностях процесса трансформации принятых норм в офицерской среде.

Одной из важных составляющих процесса адаптации солдат и офицеров царской армии к ситуации плена стал язык. Множество каналов и средств формальной и неформальной коммуникации (газеты, слухи, письма, фольклор) способствовали интенсивному обмену информацией, предоставляли возможность для переработки переживаний и облегчали восприятие действительности. С помощью усвоения специфической формы немецкого языка военнопленные улучшали свое положение в условиях заключения и обеспечивали себе более тесные контакты с чуждым и часто враждебным культурным окружением. Прием иносказаний в письменной корреспонденции позволял им обходить цензурные ограничения и обмениваться информацией с оставшимися в России родственниками. Использование нового языка советского государства привело к возведению их большевистским правительством в ранг «революционеров за границей» и обеспечило допуск к обсуждению опыта войны и революции в рамках контролируемого сверху дискурса.

Непреодолимые трудности немецких военных ведомств при организации религиозной жизни в лагерях, пассивность российской стороны в оказании пленным духовной поддержки и патриотической настрой священников способствовали отходу православного населения лагерей от официальных церковных канонов. Возникновение специфического варианта «народной религиозности» в плену стимулировалось тесными контактами с представителями других конфессий, совместным проведением праздников вне пределов православного календаря, использованием одного помещения в качестве общего храма и просветительской деятельностью иностранных благотворительных организаций. Пленные признавали в качестве духовных авторитетов представителей других церквей, во многих лагерях возникли баптистские общины и различные секты.

Отходя от строго соблюдения церковных ритуалов, православные военнопленные продолжали проявлять приверженность религиозным образцам толкования, с помощью обращения к которым сглаживалась конфликтная ситуация плена

и инсценировалось чувство лагерного товарищества. Примечательно, что через призму религиозной лексики толковались и революционные события в России. Только погружение в советскую действительность и стремление получить привилегии от новой власти привнесли в воспоминания бывших пленных атеистические формулировки.

Массовое привлечение русских пленных к принудительному труду во всех сферах немецкой военной экономики определило не только условия содержания, но и способствовало приобщению солдат и унтер-офицеров к чуждой им производственной культуре. В соответствии со стратегическими интересами немецкой стороны часть военнопленных приобрели опыт работы и в промышленности, и в сельском хозяйстве, а часть их прошла обучение новым специальностям. Благодаря организации лагерных школ, библиотек, киносеансов и курсов лекций рядовые приобщались к грамоте и расширяли свой кругозор. Многие бывшие пленные уже после возвращения в Россию применяли усвоенные навыки у себя дома, меняя не только методы хозяйствования, но и бытовой уклад. После окончания войны советское правительство надеялось использовать профессиональный потенциал военнопленных в своих интересах. Однако попытка организовать досрочную отправку специалистов из лагерей на советские предприятия была сорвана самими пленными, увидевшими в этой акции возможность скорейшего возвращения на родину и предоставлявшими ложные сведения о своей квалификации.

Во время пребывания в лагере пленные пытались выработать удобные модели объяснения попадания к противнику и изложить их в рамках русской общественной дискуссии о войне. Наибольшей активностью отличались офицеры, которых на саморефлексию толкали вынужденное бездействие и зависимость от позиции русского военного командования. Они стремились оправдать поражение с помощью образов жертвенности, чужого предательства и собственного героизма на поле боя и в лагере. При этом толчком к возникновению толкований часто становились мероприятия немецких комендатур или русских военных органов. Пленные активно откликались на политические события в России, пытаясь инст-

рументализировать свой новый опыт применительно к изменившейся обстановке. И если Февральская революция была преобладающе позитивно воспринята и в солдатской, и в офицерской среде, то приход к власти большевиков и заключение сепаратного мира разделили массу военнопленных на несколько групп. Большая часть стремилась любой ценой попасть на родину, опасаясь пропустить раздел земли. Кадровые офицеры постарались компенсировать свое военное поражение участием в антибольшевистских формированиях. Еще одна группа бывших пленных предпочла остаться вне конфликта, получив разрешение на пребывание в Германии или переехав в другие европейские страны.

В пятой главе «**Бывшие военнопленные в межвоенных обществах**» реконструируются процессы репатриации и реабилитации вернувшихся из плена в условиях революционной России и эмиграции, а также аспекты индивидуальной и институциональной переработки опыта, включавшей обсуждение переживаний и формирование памяти, складывание новых структур и институтов.

Репатриация солдат и офицеров царской армии превратилась для советского правительства в своеобразное экспериментальное поле, где первоначально оставалось достаточно свободного пространства для социальной активности организаций и населения. Неподготовленность государственных институтов к эвакуации и импровизационный характер предпринимаемых шагов превратили передвижение военнопленных на большевистской территории (как и в сфере влияния белых правительств) в гуманитарную катастрофу. Тем не менее, опыт регулирования крупных потоков способствовал складыванию основ советской миграционной политики, типичными чертами которой стали политическая фильтрация, стигматизация подозрительных элементов, массивная пропаганда и ориентация на использование доступных трудовых ресурсов в интересах государства. Выработанные в ходе репатриации правовые нормы были впоследствии распространены на другие социальные категории (например, на интернированных в Германии красноармейцев и ветеранов Гражданской войны)

В сравнении с восточноевропейскими странами в Советской России, где в миф основания государства были возведены революция и Гражданская война, ве-

тераны и жертвы Первой мировой войны не стали первостепенным объектом социальных устремлений новой власти. Очевидные трудности государственных ведомств, стремившихся к монополизации контроля над социальной сферой, вынудили их прибегнуть к использованию ресурсов благотворительных комитетов. Разнонаправленность интересов и пропасть между центром и периферией обусловили в конечном итоге провал политики социального обеспечения бывших военнопленных старой армии, в особенности инвалидов. Реальная маргинализация статуса бывшего военнопленного в сфере социального обеспечения способствовала отказу от него и добровольному переходу в другие категории (красноармейцев, сотрудников советских организаций и т.д.), гарантировавшие лучшие позиции в новом обществе.

Долгожданное прибытие бывших пленных на родину не означало для них возвращения к мирной жизни. В раздираемых гражданской войной обществах они оставались объектами мобилизационных мероприятий различных правительств. Приспособление к новой ситуации осложнялось разрушением привычных связей в городской и сельской местности, а также враждебным отношением бывших соседей. Поэтому репатрианты активно обращались к опыту военного плена и использовали усвоенные в заключении стратегии: уход от тотального контроля, встраивание во властный дискурс, апелляцию к образу жертв прежнего режима, скрытое сопротивление и активное противодействие власти.

После поражения антибольшевистских формирований часть бывших пленных солдат и офицеров не пожелали оставаться в России и оказались в эмиграции. Рядовые относительно быстро растворились в рядах иностранной рабочей силы, офицеры вошли в состав военной эмиграции, существуя на пожертвования благотворительных организаций или поступив на военную службу в новообразованных государствах.

Переработка переживаний плена в рамках раннесоветской и эмигрантской дискуссии о войне превратилась в поле столкновения властных, групповых и индивидуальных мнемонических нарративов. Советским органам, практиковавшим жесткие приемы при манипулировании и использовании коммуникативной памя-

ти, удалось поставить процесс воспоминания под свой контроль и навязать вернувшемуся свое толкование мировой войны. Участие в инициированном и контролируемом властью обсуждении предлагало бывшим военнопленным доступ к необходимому маргинальной группе социальному и политическому капиталу. Степень нивелирования воспоминаний подчеркивается идентичностью толкований плена в мемуарах вернувшихся в Советскую Россию из Австрии и Германии и их отличиями от публицистики эмиграции.

В **Заключении** подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы. В отличие от своего более позднего варианта – лагерей уничтожения – места содержания военнопленных в Первую мировую войну обладали многими чертами переходного типа, соединив в себе традиции предыдущей эпохи (стремление стран-участниц соответствовать образу цивилизованного государства, уважительное отношение к военной элите противника, проницаемость границы между лагерем и его окружением) и новые радикальные тенденции (репрессии, принудительный труд, национальную и политическую агитацию).

Важным элементом преемственности и одним из решающих факторов, сформировавших структуры немецкого плена, стал господствовавший в Германской империи колониальный дискурс, который подпитывал коллективные стереотипы и пропагандистские шаблоны и определял политические мероприятия. Представления о восточных соседях как дикарях и варварах повлияли на условия содержания русских военнопленных, дисциплинарные приемы, специфику принудительного труда и судебную практику. Стремление немецких политических и военных органов к колонизации восточных территорий привело к возникновению масштабной программы привилегированного содержания и сепаратистской пропаганды среди национальных и религиозных меньшинств Российской империи в лагерях. Одновременно, порожденное тем же колониальным дискурсом пренебрежительное отношение к агитируемым народностям стало одной из причин непоследовательной реализации просветительских мероприятий. И хотя опыт Первой мировой войны заложил специфический «горизонт ожиданий» для будущего мирового конфликта, характер немецкой политики национальностей в лагерях во-

еннопленных является еще одним важным контраргументом к «тезису о прототипе»: национальные меньшинства подлежали европеизации и рассматривались как орудия реализации немецких интересов на востоке, но не как объект массового уничтожения.

«Плотное описание» жизни за колючей проволокой позволяет характеризовать пленных не только как жертв манипуляции немецких и русских органов, но и как действующих субъектов, соопределивших облик лагерной системы и опыт заключения. Функциональная дифференциация массы пленных и возникновение формальной и неформальной иерархии привели к складыванию различных групп, которые в той или иной степени сотрудничали с лагерной администрацией. И если открытый коллаборационизм (работа в канцелярии, пропагандистских газетах) преследовался со стороны товарищей по лагерю как предательство, то представители самоуправления, столь же интенсивно контактировавшие с комендатурами и (в случае солдатских лагерей) получавшие оплату за свою работу, пользовались авторитетом основной массы заключенных. Отношения внутри пленного сообщества невозможно описать категорией «лагерного товарищества», сплоченного перед лицом врага. Напротив, в ходе длительного заключения проявились многочисленные линии размежевания, бытовые, национальные и политические конфликты, в которых третьей стороной часто приходилось выступать немецкой стороне.

Возникшие в рамках системы лагерей пространства относительной свободы (контакты с мирными жителями, лагерный досуг, структуры самоуправления и т.д.) пленные солдаты и офицеры активно использовали для выработки подходящих форм восприятия, толкования и конструирования окружающей действительности. Их спектр охватывал пассивное приспособление, скрытое и открытое сопротивление, новые каналы и приемы коммуникации, специфический вариант «народной религиозности» и лагерные мифологемы. Большинство возникших в лагерях образцов толкования были транслированы в российскую дискуссию о войне и определили настроения публики и действия властных органов, в том числе волну насилия по отношению к военнопленным противника в российских ла-

герях. Система принудительного труда спровоцировала не только конфликтные столкновения рядовых и унтер-офицеров русской армии с враждебной средой, но и знакомство с иной производственной и языковой культурой. Благодаря работе на немецких предприятиях, различным формам лагерного досуга, контактам с гражданским населением и пленными союзниками, пусть и в разной степени, вчерашние крестьяне проходили обучение грамоте, новым специальностям, трудовым и бытовым отношениям. Несомненно, военный плен первой современной войны превратился для них в фактор эмансипации. Примечательно, однако, что обращение вернувшихся к усвоенным в плену знаниям и навыкам в условиях Советской России сыграло для них скорее отрицательную роль, выделив их как «нежелательных чужих» и помешав их интеграции в новое общество.

Различная степень изоляции офицерских и солдатских лагерей и отличные условия содержания повлияли на скорость трансформации сложившихся и выработки новых поведенческих моделей, уровень демаскулинизации пленного сообщества. В сравнении с массой рядовых, ежедневно балансирующих на грани выживания и интенсивно контактировавших с миром вне лагеря, офицеры до последнего верили в возможность возвращения к прежней жизни, основной упор делая на оправдание личного поражения. Мощным толчком для изменения поведенческих стратегий послужили революции в России, резко поляризовавшие офицерское сообщество. При этом, свержение монархии было положительно воспринято основной массой офицеров, инициировав политические дискуссии, поиск революционных символов и надежды на новую жизнь. Приход большевиков к власти и заключение сепаратного мира с Германией спровоцировали вступление кадровых офицеров в контрреволюционные армии или отказ от возвращения на родину.

Сопоставление непосредственной лагерной коммуникации с русской и раннесоветской дискуссией о войне и плене сделало возможным анализ механизмов встраивания индивидуальных переживаний в структуры коллективной памяти. Стремление пленных избавиться от стигмы предательства и обрести свою нишу в господствующем дискурсе структурировали переработку опыта лагерей и приве-

ли к усвоению транслируемых сверху образцов толкования, унификации воспоминаний об австрийском и немецком плене и выработке определенных клише, набор и иерархия которых менялись в зависимости от политического режима в России. Результатом взаимовлияния властных установок и объяснительных моделей в среде пленных стало закрепление лагерных мифологем в литературе и исторической науке.

Исследование процесса репатриации сквозь призму актеров позволило пересмотреть устоявшиеся в исторической литературе представления о безусловном успехе большевистской пропаганды и мобилизационных практик новой власти в среде военнопленных. Усвоение революционной риторики в лагерях началось уже после Февральской революции, тогда же сложилась традиция обращений в поддержку Временного правительства, от которого ожидалось улучшение положения пленных. После октябрьского переворота, не вникая в суть большевистского учения, заключенные лагерей подхватили лозунги советской власти в надежде ускорить свое возвращение на родину. Несовпадение обещаний советских агитаторов и ожиданий самих пленных с революционной действительностью привело к саботированию властных директив, спровоцировало поток прошений на имя официальных лиц и спонтанные протесты. Благодаря стихийному характеру репатриации, репрессивно-фильтрационным мероприятиям и ситуативным уступкам, властным институтам все же удалось избежать масштабного социального взрыва. Организационные проблемы режима и поведение самих пленных не позволили использовать военный и профессиональный потенциал репатриированных. Более значимыми выглядят внешнеполитические успехи советской власти в рамках международной дискуссии по вопросу репатриации, а также накопленный законотворческий и практический опыт в сфере миграционной политики.

В отличие от новообразованных государств Восточной Европы, где легитимность власти была поставлена в зависимость от успехов социального обеспечения ветеранов минувшей войны, в Советской России не сложилось пространства публичной политики для лоббирования их интересов. Максимально используя ресурсы общественных организаций, в том числе союзов бывших пленных,

новая власть не допустила политического ангажмента благотворительных институтов. Хотя встраивание в господствующий дискурс о войне и плене обеспечило репатриированным титул «революционеров за границей», он не был наполнен реальными привилегиями. В мероприятиях социальной политики бывшие пленные занимали второстепенное положение в сравнении с ветеранами Гражданской войны. К тому же пропасть между намерениями центра и их реализацией на местах, хронический финансовый дефицит, а также стремление подчинить мероприятия социального призрения классовой парадигме максимально затруднили выплату пособий и реабилитацию инвалидов. За пределами агитационных лозунгов, бывшие заключенные «буржуазных» лагерей оставались опасным контингентом, который подлежал учету и отслеживанию. С началом эпохи массового террора они были автоматически причислены к враждебным государству группам.

Разрушение социальных сетей бывшего лагерного сообщества и волна репрессий вытеснили отклоняющиеся воспоминания о переживаниях немецких лагерей. Пропагандистский же образ плена как воплощения голода, насилия и самой сути «немецких зверств» пережил свое возрождение в условиях нового советско-германского противостояния. Массовое уничтожение советских военнопленных в национал-социалистических концлагерях вытеснило из коллективной памяти представление о немецком плене Великой войны как о неоднозначном военном опыте.

**По теме диссертационного исследования опубликованы
следующие работы:**

Публикации в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендуемых ВАК:

1. Нагорная О.С. Пропаганда сепаратизма среди восточно-европейских народностей Российской империи в германских лагерях военнопленных Первой мировой войны // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2006. – № 3. – С. 129–140 (1 п.л.).
2. Нагорная О.С. Русские генералы в немецких лагерях военнопленных Первой мировой войны // Новая и Новейшая история. – 2008. – № 6. – С. 94–108 (1,5 п.л.).

3. Нагорная О.С. «Русский народ закончил в этой войне все классы и семинары»: военный плен Первой мировой как процесс обучения // Новое литературное обозрение. – 2008. – № 93. – С. 196–214 (1,5 п.л.).
4. Нагорная О.С. «Эвакуация в том виде, в котором она существует, губительна для военнопленных и опасна для государства»: советская практика репатриации русских военнопленных Первой мировой войны // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – 15 (116). – История. – Вып. 24. – С. 55–62 (0,75 п.л.).
5. Nagornaya O. United by Barbed Wire: Russian POWs in Germany, National Stereotypes, and International Relations, 1914–22 / Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. – 2009. – vol. 10. – no. 3. – P. 475–498 (1,75 п.л.).
6. Nagornaja O. Des Kaisers Fuenfte Kolonne? Kriegsgefangene aus dem Zarenreich im Kalkuel deutscher Kolonisationskonzepte (1914 bis 1922) // Vierteljahrshefte fuer Zeitgeschichte. – 58 (2010). – 2. – S. 181–206 (2 п.л.).
7. Нагорная О.С. Военный плен Первой мировой на Восточном фронте: традиции «прекрасной эпохи» и тенденции «тотальной войны» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России» – 2011. – № 1. – С. 122–134 (0,75 п.л.).

Монография

9. Нагорная О.С. Другой военный опыт: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). – М.: Новый хронограф, 2010. – 440 с. (27,5 п.л.).

Другие публикации:

10. Нагорная О.С. Военный плен и гендерные стереотипы: воспоминания сестер милосердия в российской дискуссии о войне (1914–1917) // Война и общество (К 90-летию Первой мировой войны). – Самара: СГУ, 2004. – С. 112–119 (0,25 п.л.).
11. Нагорная О.С. Воспоминания о плене Первой мировой войны как объект политики памяти и средство групповой идентификации // Россия и война в XX столетии. Взгляд из удаляющейся перспективы. – М.: АИРО-XX, 2005. – С. 46–79 (1 п.л.).
12. Нагорная О.С. Стигма предательства: русские военнопленные Первой мировой в восприятии военного командования и государственных институтов (1914–1917) // Проблемы российской истории. – 2006. – № 1. – С. 289–308 (1,25 п.л.).
13. Нагорная О.С. Санкционированное принуждение и произвольное насилие по отношению к российским военнопленным в немецких лагерях (1914–1922) // Проблема насилия в истории России. – Челябинск: Полиграф-мастер, 2007. – С. 17–33 (0,75 п.л.).

14. Нагорная О.С. Русские военнопленные в Первой мировой и гражданской войнах: другой военный опыт // Опыт мировых войн в истории России. Сб. статей / под ред. И.В.Нарского и др. – Челябинск: Каменный пояс, 2007. – С. 534–552 (1,25 п.л.).
15. Nagornaja O."Syndrom Tannenbergu". Rosyjska instrumentalizacja wschodniopruskiego doświadczenia. // "Borussia. Kultura–Historia–Literatura". – 2007. – № 41. – S. 202–216 (1 п.л.).
16. Нагорная О.С. Религиозная жизнь русских военнопленных в немецких лагерях Первой мировой войны // Отечественная история. – 2008. – № 6. – С. 156–164 (0,75 п.л.).
17. Нагорная О.С. Позитив и негатив: визуализация образа российских военнопленных Первой мировой в русской и немецкой пропаганде (1914–1917) // ОЧЕ-видная история. Визуальные источники по истории России XX века. Сб. статей / под ред. И.В. Нарского и др. – Челябинск, 2008. – С. 115–128 (0,75 п.л.).
18. Нагорная О.С. «Когда-нибудь пройдет неволи срок»: коммуникация переживаний плена в немецких лагерях Первой мировой войны // Проблемы истории российской цивилизации. – Челябинск: Полиграф-мастер, 2008. – С. 27–40 (0,75 п.л.).
19. Нагорная О.С. Лагерный жаргон, «platt-deutsch» и советский новояз: коммуникационные практики русских военнопленных // «Траектория в сегодня»: россыпь историко-биографических артефактов / под ред. О.С.Нагорной и др. – Челябинск: Энциклопедия, 2009. – С. 218–231 (1,75 п.л.).
20. Нагорная О.С. Плен как конструкт: пространство опыта и его представление в российской военной коммуникации // Россия и кризис современной цивилизации. Сб. трудов научной конференции. – Челябинск: Полиграф-мастер, 2009. – С. 31–50 (1 п.л.).
21. Нагорная О.С. Лагерное сообщество: солдаты и офицеры русской армии в немецких лагерях военнопленных (1914–1922) // Проблемы российской истории. – 2009. – № 1. – С. 100–114 (1 п.л.).
22. Нагорная О.С. Образ врага и политика содержания российских военнопленных в немецких лагерях Первой мировой войны // Россия и мир глазами друг друга. – Вып. 5. – М.: РГГУ, 2009. – С. 153–170 (0,75 п.л.).
23. Nagornaja O. Kriegsgefangene in Russland 1914–1922: Erfahrungen, Verdraengungen, Misverstaendnisse // Das Jahrhundert des Gedachtnisses. Erinnern und Vergessen in der russischen und sowjetischen Geschichte im 20. Jahrhundert / hg. von H.Наumann. – Olearius Press 2010. – S. 206–225 (1 п.л.).